

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!

Смертию смерть поправ!

*«Во гробе плотски, во аде же с душою яко Бог...»
(Из тропаря часов Святой Пасхи)*

В первые дни Страстной седмицы дорогие братья и сестры, мы слушали в храме Евангельские чтения о земной жизни Спасителя, особенно о последних днях Его: суде, поруганиях, страданиях, голгофских мучениях и крестной смерти. Мы видели, что не успел ещё умереть Христос на кресте, как началась уже Его победа, начался решительный переворот в сердцах людей, соприкасавшихся в эти дни и часы со Спасителем.

Так, ещё во время суда над Христом в доме Каиафы апостол Петр при крике петуха вспомнил слово, сказанное ему Иисусом: *«Прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня»*. И ушёл со двора, горько плача (Мф 26:75).

Что-то дрогнуло и в сердце Пилата, стремившегося отпустить Христа, а ещё в большей степени в сердце его жены-язычницы, пославшей сказать ему: *«Не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сие много пострадала за Него»* (Мф 27:19).

Ещё не закончился суд над Христом, как Иуда осознал, что *«согрешил, предав кровь неповинную»* и на другое же утро *«пошел и удавился»* (Мф 27:5). Он раскаялся, что согрешил, но не нашёл в себе силы для покаяния, для внутреннего возрождения.

Ещё Христос висел на кресте, когда произошёл переворот в душе одного из разбойников и он возопил: *«Помяни меня, Господи, когда приидеши во Царствие Твое»* (Лк 23:42).

Едва Христос испустил дух, как совершенно переменялись души римского сотника и тех, кто был с ним, и они исповедали Христа Сыном Божиим (Мк 15:39; Мф 27:54).

Едва умер Христос, как заговорила окружающая природу, в ней тоже произошли неслыханные перевороты: земля потряслась; и камни расселись (Мф 27:51), настала тьма (Мк 15:33). Вместе с природой заговорил и храм Божий, завеса в нём разорвалась надвое от верхнего края до нижнего (Мф 27:51; Мк 15:38).

Не остались безучастными к происходившим на земле Голгофским событиям и умершие святые: *«гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли... и явились многим во Иерусалиме»* (Мф 27:52–53).

Наконец, произошёл переворот и в душе народа, собравшегося на Голгофе. Мучимые укорами совести пред лицом столь потрясающих событий, эти несчастные, сбитые с толку люди стали расходиться с места казни, *«бия себя в грудь»* (Лк 23:48), т. е. переживая острый прилив раскаяния и ужаса за содеянное злодеяние.

Так страдания и особенно смерть Христа потрясли всё живое и мёртвое, перевернули человеческие сердца, предуготовляя их к следующему величайшему событию — воскресению Господа.

В чём причина всех этих потрясений и переворотов?

Причина их в том, что совершилось небывалое, противоестественное: смерть принял Богочеловек, будучи ни по Божеству, ни по человечеству не причастным к смерти: по Божеству — как Бог, по человечеству — как невинный и безгрешный. Христос мог избежать смерти, как не раз избегал её раньше (Мф 21:46). Но ведь Он пришёл на землю, чтобы *«отдать душу Свою для искупления многих»* (Мф 20:28), чтобы *«вознесту»* быть на крест, дабы *«всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»* (Ин 3:14, 16). Не предав себя смерти, Он не мог бы избавить от смерти нас, не мог бы уничтожить, омертвить наши грехи и самое главное — смерть, как неизбежное следствие этих грехов. Сказав нам, что нет больше той любви, как кто положит *«душу свою за други своя»* (Ин 15:13), Он и на деле положил за нас Свою душу и тем проявил неизреченную Божественную любовь к нам. Эта любовь оказалась сильнее смерти, столь доселе всесильной и как будто непобедимой. Испол-

нилось предчёрнённое: *«Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?»* (Ос 13:14; 1 Кор 15:55). Ибо *«во гробе плотски, во аде же с душою яко Бог»*. Христос телом был во гробе, но душою в это же время, яко Бог, совершал дело любви и победы в самом таинственном и страшном месте — в аду, оживив там умерших и им проповедав освобождение (1 Петр 3:18–19).

О пребывании тела Христова во гробе так говорится в чине *«Непорочных»* и в пасхальном каноне: *«Мертвостъ Твою нетленную, Христе, Мати Твоя зрящи»; «Тело живоносное Иосиф погребает с Никодимом»*. О «теле живоносном и погребенном» поётся в пасхальном каноне. В тех же церковно-богослужбных источниках смерть Христа называется сном, т. е. временным, скоропреходящим явлением. *«Уснул еси Христе естественным животным сном»; «Уснул мало, и оживил еси умершие»* (там же). *«Плотию уснув, яко мертв, Царю и Господи»* — вещает пасхальный канон.

Если над Христом смерть не имела решительного господства ещё до Его Воскресения, то и над нами, братья и сестры, она утратила решительную власть после полной победы над ней воскресшего Спасителя.

В послании ап. Павла раскрывается для нас значение смерти Христовой и указывается, что следует разуметь под словом «смерть». Христос умер однажды для тела, а живёт для Бога. *«Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем»* (Рим 6:3–11). По апостолу, мы должны страшиться больше всего смерти духовной, от греховности нашей проистекающей. Грех для нас и есть смерть. Греша, мы духовно умираем, каюсь — освобождаемся от греха, т. е. обновляемся и духовно воскресаем. Вот почему Православная Церковь издавна считала покаяние *вторым крещением* и установила особое время — Святую Четыредесятницу для наиболее полного и глубокого покаяния и нашего духовного возрождения.

Братья и сестры! Христос в своё время воскрес в гробнице на Лобном месте (Ин 19:17–41). С тех пор Он воскресает в сердцах верующих в Него, если они покаянно очищают свои сердца для «совоскресения» с Ним. Евангельское чтение, как мы слышали, возвещало нам уже о воскресении Спасителя. А близок ли Он нам, чувствуем ли мы в себе духовное обновление и возрождение? Готовы ли пасхальную ночь воспринять как ночь нашего подлинного «со-воскресения» со Христом?

Братия и сестры! В момент Своего Воскресения Спаситель озарил сиянием света и радости ангелов в пещере гроба, а за ними жён-мироносиц и святых апостолов. С тех пор этот свет и радость преемственно передаются из века в век, из поколения в поколение, и дошли до нас, озарив и нас в эту ночь Христова Воскресения. Для Господа «тысяча лет как день один», и сердце человеческое всегда было и есть одно и то же сердце. Христос и сейчас воскреснет, и будет всегда воскресать в том же человеческом сердце, будь то сердце жён-мироносиц, святых апостолов или сердце каждого из нас, многогрешных.

Христос, воскресая в каждом из нас, создаёт внутреннюю сердечную почву для Его прославления. Будем же всегда очищать наше сердце и в хранить свет и радость Христова Воскресения. Будем оберегать это сокровище, очищая, умиrotворяя и укрепляя им свою душу и свою жизнь! ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! Аминь.

Протоиерей Александр Зелененко

Пасхальная благотворительная выставка

По традиции незадолго до Светлого Воскресения Христова в митрополичьем корпусе Александро-Невской лавры проходит Пасхальная благотворительная выставка. На ней можно приобрести изделия прикладного искусства, костюмы, игрушки, открытки и другие подарки, а также посетить уроки ремесла и рукоделия.

Традиция устраивать перед Пасхой выставку существует 12 лет. Об этом напомнил протоиерей Александр Зелененко, который отслужил молебен в Синем зале. По его словам, «выставка не может быть коммерческой — у Церкви иные задачи, она призвана освящать, преображать и приуготавливать мир к вечности с Богом».

Ежегодная акция преследует прежде всего просветительскую цель. Желающие смогут встретиться со священниками, педагогами, психологами, врачами, которые проведут беседы по проблемам семьи, воспитания, медицинского просвещения, наркомании.

На стендах можно увидеть работы разного уровня — от детских рисунков, продаваемых за символическую сумму, до уникальных предметов золотшвейного искусства. Например, мастерская «Убрус» при подворье Оптиной пустыни представила изделия шитых предметов церковного обихода.

«Каждое наше изделие в буквальном смысле пропитано кровью и молитвой мастериц: они не обходятся без уколов иглой и слов Иисусовой молитвы. Давно замечено — если вышивальщица отпадает от церковной жизни, прекращает причащаться, то вскоре бросает и шитье. Это искусство неразрывно связано с верой», — рассказала мастер золотого шитья Ольга Дубовцева.

В этом году на выставке появились стенды, отражающие историю воздухоплавания. Оно зародилось в столице Российской Империи, где в 1894 году был подписан высочайший указ о создании специального рода войск — воздухоплавательных. Здесь же был построен первый храм русских авиаторов в честь пророка Илии.

Выставка даёт возможность пообщаться с интересными людьми, решить наиболее волнующие вопросы. В лавру в преддверии Пасхи приходит немало людей, для которых соприкоснуться с сокровищницей православной культуры — особая радость.

*«Вода живая»
Фоторепортаж Андрея Сорокина, 3 курс*

Катехизация в Иерусалиме

Записанный рассказ Татьяны Сергеевой о её пасхальной поездке в Иерусалим

Весной 2010 года Татьяне посчастливилось побывать на Святой Земле в дни Страстной седмицы. Конечно же, поездка планировалась так, чтобы встретить светлый день Воскресения Христова в Храме Гроба Господня. Очень хотелось пережить пасхальную радость в местах евангельских событий. По приезду в Иерусалим всё оказалось намного сложнее. Дело в том, что Храм Гроба Господня вмещает в себя гораздо меньше людей, чем желающих. Паломники начинают занимать место в Храме за несколько дней до Пасхи. Они сидят по несколько дней на одном месте, не отходя, так как место сразу может быть занято другим таким же собратом во Христе, желающим встретить Пасху в Храме. И даже такой подвиг ожидания совсем не гарантия остаться там до Воскресения. Дело в том, что израильская полиция пропускает в Храм на Пасху только по специальным приглашениям. Не имеющих такого приглашения удаляют достаточно грубо. Выводят крепко взяв за руку или за шиворот. Причём не просто выводят за порог Храма, а проталкивают через длинный коридор полицейского оцепления, который заканчивается уже где-то на соседних с Храмом улицах. Каждый полицейский такого коридора подталкивает несчастливого паломника к выходу и нет почти никакого шанса остановиться и вернуться.

Короче говоря, наша Татьяна в число счастливых, встречающих Пасху у Гроба Господня, не попала. Полицейские нещадно вытолкали её. Таня встала, так чтобы увидеть праздник хотя бы на мониторе, которые были развешаны на улицах. Ря-

дом с ней пристроилась супружеская пара. Познакомились, разговорились. Оказалось, что они тоже из России, тоже приехали встречать Пасху. Проникнувшись к Татьяне доверием, они признались, что никогда не исповедовались и не причащались. Сожалели, что не могут приступить к Таинствам, так как ничего о них не знают и не понимают. И несколько часов Татьяна рассказывала о Христе, о Его распятии и Воскресении, о смысле жизни, о дарах, которые даровал каждому человеку Господь. О том, как важно принять дар веры, а не пройти мимо него в житейских заботах. Конечно, люди, приехавшие в Иерусалим на Пасху, были благодарными слушателями. И пусть уровень богословских знаний у них был очень близок к нулю, но зато желание узнать Господа было очень велико.

Вот как бывает... Едешь паломницей поклониться святыням, а по приезду оказывается, что здесь нужен ты как катехизатор.

Каков Промыслитель Господь!? Он благоволил приехать из далекого Санкт-Петербурга в Иерусалим. Он руками полицейских вывел Таню из Храма только для того, чтобы двое, ищущих Его, Его встретили. Встретили в самый главный для христиан день Пасхи Христовой. Встретили как двое путников по дороге в Эмаус. Не Татьяна, но Господь через неё рассказал супругам о Таинстве Исповеди и Таинстве Причастия. « Не горело ли в нас сердце наше...» (Лк 24:32) Так и у них загорелось сердце приобщиться к таинствам по возвращении на Родину.

Софья Бусоедова, 3 курс

Целую неделю мы провели на Святой Земле

*Мы сегодня улетаем
В наш прекрасный, славный Питер.
И с Земли Святой забираем
То, что нам здесь было открыто.
Мы хотим сюда снова вернуться,
Чтоб расширить объём наших знаний.
Мы пробывали здесь очень недолго,
Но, поверьте, совсем не напрасно.
Всем нам дружно захотелось
Изучать события, лица
И великие эпохи,
И мужей одеянья славных,
Удивительных, чьи мысли
Сотни лет уже нетленны.
И Господь наш*

с нами рядом был здесь,

*На земле страдания,
Радости, любви и веры
В этом мире созидавая.
Здесь дела Его вершились,
Путь Его пролёг нелёгкий,
Неизменный, несомненный,
Его «via dolorosa»!¹
Здесь Он шёл по волнам моря,
Ел оливки, смоквы, дыни.
Может, пел, возможно, плакал,
Чудеса вершил и умер...
И воскрес на радость миру,
Победив и тлен, и смерть.
Всем придётся умереть...*

¹ via dolorosa — крестный путь (лат.).

*Только Он один бессмертный,
Удивительный, прекрасный,
Миром трепетно любимый,
Незабвенный, возносимый,
В сердце каждом проживает.
С нами вместе Он страдает.
Нам же часто помогает
Жить и радоваться жизни,
А придёт пора расстаться
С этим светом — всех Он встретит,
Успокоит, приглубит.
Он ведь всех нас очень любит.
Всех: и белых, жёлтых, чёрных,
Весь наш мир, который создал,
Подарив его нам, людям.*

*Так давайте вместе будем
И трудиться, и молиться,
Приезжать к Нему стремиться,
Чтоб увидеть снова город,
Окунуться в Иордане,
Посмотреть с Горы в долину
И упасть ниц в храме Бога...
Мы сердца здесь оставляем,
Ожидая встречи новой
С Господом и Его градом,
И со всем, что в нём здесь было...*

Ольга Замышляева,

1 курс

На фото: паломничество в Иерусалим
в октябре 2010 г.

Ступеньки веры

Мне с самого малого детства, сколько я себя помню, говорили что я уже взрослая и я считала себя вполне взрослой. Мои родители были неверующими, но от куда то я слышала, что некоторые люди верят что есть Бог. Помню я думала, что Бога нет, потому что так верили вокруг меня и считала это разумным.

Первое причастие. Фото из семейного архива Г. Марголиной.

Меня крестили в 6 лет вместе с отцом. Ему тогда было 33 года. Отец был неверующим. Мы крестились по просьбе бабушки – папиной мамы. Это было в Эстонской ССР в лютеранской церкви так как моя бабушка эстонка, а в Эстонии большинство – лютеране. Крашение проходило на эстонском языке и я ни чего не понимала, но мне не было скучно. Я очень хорошо помню свои ощущения. Помню что священник был старенький и что то говорил не громко, спокойно, но как то значительно.

Когда я вышла из церкви – была солнечная погода. Папа держал меня за руку и внутри я испытывала что то, что заставило меня обернуться и посмотреть на церковь. Я обернулась и подумала – а все-таки Бог есть.

Жизнь наша ни как не изменилась – мы жили как большинство советских семей.

Прошло время. Эстония стала отдельным государством. Мы уже не ездили туда на лето. Отец мой родился и вырос в Эстонии и тосковал по родному языку. Возможно, дело было не только в этом. Он узнал что у нас в Петербурге есть лютеранская церковь в которой по вечерам служат на эстонском языке. Это была евангелическо-лютеранская церковь ингри. Оказалось, что священник в этой церкви был удивительный человек сильной и глубокой веры. Отец уверовал и стал ходить в эту церковь. Он брал с собой всех нас: маму, сестру и меня. Сначала мне нравилось ходить в церковь потому что после занятий в воскресной школе мы пили чай со сладостями. И еще мне очень нравился один преподаватель он был красивый, добрый, веселый, без сомнения верующий. Я честно говоря не знаю почему, но мне очень нравился этот человек.

Не знаю сколько прошло времени, может год — я уже ходила в церковь, потому что там рассказывали о Боге. Мне очень нравилось в воскресной школе, но на богослужении было скучно. Детей обычно приводили уже к моменту причастия, а до этого мы занимались в воскресной школе.

Когда я подросла, возможно, мне было 16 или 18 лет, то в какой-то момент служба стала мне понятна! Я увидела её движение молитвами, чтением евангелия и песнопениями к причастию. С тех пор мне стало интересно и радостно посещать службу и я не пропускала ни одного воскресенья.

В церкви после службы и совместного чаепития проводили разбор Библии и занятия с молодежью. Там мы своим кружком читали Священное Писание, размышляли над ним, иногда обсуждали какую-нибудь тему, а после пили чай и разговаривали. На

каникулах в одной из главных церквей города организовывались лагеря для молодежи. Нам читали лекции с утра до вечера. Нам рассказывали о любви, дружбе, браке. Предостерегали от наркотиков, алкоголя, курения и дурных компаний. Не смотря на то, что сидеть и слушать это всё было тяжеловато, мы очень любили лагерь. В перерывах между лекциями мы пели гимны и играли в спортивные игры, а вечером собирались в кружок у свечи и разговаривали. Лагерь заканчивался в воскресенье после богослужения. Туда приезжала молодежь со всех приходов города и области. Это было очень интересно и радостно. Помню, я всегда приезжала домой окрылённая.

Как я узнала позже, у священника нашей церкви было очень много забот. Здание церкви разваливалась на глазах. А денег на реставрацию сильно не хватало. Иногда куски крыши падали на асфальт. Это могло закончиться несчастным случаем и закрытием здания церкви. На самом приходе находились люди, чем-то недовольные, которые настаивали, чтобы жизнь прихода была устроена так, как им кажется правильным. В лютеранской церкви большая беда в том, что прихожане могут сами выбирать себе священников. Из-за этого получается, что неграмотные и малоцерковные люди могут вмешиваться в дела прихода. Это очень сильно осложняет служение священников. Было и многое другое. Совершенно неожиданно для меня наш священник умер в возрасте около сорока лет от сердечного приступа. Это был человек, к которому я могла придти с любым вопросом и всегда знала, что получу ответ и поддержку. Я каждое воскресенье летела в церковь, чтобы услышать его проповедь. И вдруг его не стало. Он значил очень многим для меня и моих близких. Мы словно осиротели. Теперь всё уже не могло быть как раньше.

Новый настоятель был не похож на старого. Это был совершенно другой человек. Он старался и делал что мог, но разница была огромная. Росло недовольство. Часть людей ушла в другие приходы. Я помогала в воскресной школе и старалась не слышать и не касаться всего того, о чём говорили вокруг. Многие у меня и у моей семьи в это время пошло не так, как хотелось. Чаще меня одолевали сомнения в литургии, в вере. Было очень беспокойно и тяжело на душе.

В лютеранской церкви общая исповедь включена в литургию, а личная исповедь рекомендована и проходит в частном порядке отдельно от службы по желанию человека. На практике на тот мо-

Отец Галины принимает священство. Фото из семейного архива Г. Марголиной.

мент на моём приходе частная исповедь не была распространена. Если бы я подошла к священнику с просьбой об исповеди, он, конечно, исповедовал бы меня. Но я не доверяла новому священнику и не любила его. Я не могла перед ним исповедоваться. Многие беспокоило, тревожило и отягощало меня. Мне нужна была частная исповедь. Моя подруга познакомила меня с одним стареньким

Венчание в храме Серафима Саровского.

католическим священником. Он был мудрый и любящий. Когда он говорил известные мне и без того вещи, то звучали они значительно и сильно. Я попросила его исповедовать меня, и он согласился. С тех пор я исповедовалась у него и продолжала ходить в лютеранскую церковь, потому что осознавала себя всё равно лютеранкой. Исповеди и советы этого священника придавали мне сил и удерживали меня от отчаянья.

В это время я уже встречалась с Димой. Мы решили пожениться. Я рассказала ему о моих переживаниях, сомнениях и тяжести, которая была у меня на сердце. Дима с детства ходил в православный храм. Он убеждал меня, чтобы я поверила ему и пошла вместе с ним. Обещал, что будет поддерживать меня, помогать понять то, что непонятно. Говорил о том, как будет радостно ходить молиться, исповедоваться и причащаться вдвоём, а когда у нас будут дети, то всей большой семьей.

Православие для меня тогда была чем-то непонятным, обрядовым, невежественным и недружелюбным. Когда мне случалось заходить в православный храм, я видела плохо одетых, в основном пожилых людей, переходящих от иконы к иконе со свечками и стоящими на бесконечно длинной службе, которую служили на непонятном мне языке с интонациями, которые моментально нагоняли на меня сон. Всё было чужим, непонятным и неправильным. А ещё я всегда мечтала, что венчать меня будет в церкви мой отец (он к тому времени, отучившись в лютеранской семинарии, уже несколько лет был священником). Сам же переход в другую конфессию казался мне противоестественным. Но также я понимала, что до этого времени я всерьёз не пыталась разобраться и понять православие. Мы с Димой решили подойти поговорить со священником, к которому он ходил. Это был о. Василий Ермаков, пожилой и очень известный священник. Многие рассказывали, что часто он видел, с чем к нему пришёл человек прежде, чем тот успевал заговорить. Батюшка отнёсся ко мне по доброму. Он внимательно выслушал нас, а потом сказал: «Походи к нам, может что и понравится твоему женскому сердцу».

Мы стали вместе ходить в храм. А в молитвах я просила Бога открыть мне, как поступить. Стоять на службе было очень тяжело: у меня сильно болели ноги и особенно поясница. В храме было так много народа, что мне постоянно не хватало воздуха. В богослужении я почти ничего не понимала. Хор пел часто фальшиво и всегда громко. Это тоже сильно отвлекало. Обстановка в храме была очень непривычна. Я привыкла к просторной светлой церкви с белыми стенами и большими окнами. В алтаре — крест и изображение Христа. Здесь же было множество икон в дорогих золотых окладах, на которых была изображена Богородица и святые. В лютеранской церкви считается правильным молиться одному Богу. Дорогие украшения иконы и сами иконы святым казались мне лишним нагромождением, отвлекающим от молитвы к Богу. Кроме того, на протяжении всей службы меня просили передавать свечи. Люди в храме непрерывно крестились и кланялись и казалось, что они все тоже плохо понимают происходящее. Всё это вместе иногда вызывала у меня сильное раздражение даже до слёз. Тогда я старалась молиться, чтобы Господь помог мне, считая, что это раздражение вызвано непониманием. Дима как мог

поддерживал меня и отвечал на вопросы и недоумения. О. Василий, к которому мы с Димой подходили в первый раз, уже умер, и мы с Димой уже ходили к о. Вячеславу, молодому иерею из той же церкви. Если меня что-то очень беспокоило, я спрашивала его об этом. Но нужно было заранее договориться, а когда придёшь, то обычно ещё час или два подождать, поэтому я беседовала нечасто. Настоящей мукой для меня было вычитывание утренних и вечерних молитв и особенно тяжело было читать каноны и последование к причастию, потому что я ничего не понимала. Это длилось довольно долго.

Прошёл примерно год после того, как я стала ходить в храм. Кое-что стало понятнее. Стоять на службе стало полегче. Несмотря на все сложности, я чувствовала большую радость, когда вся семья в воскресенье шла в храм. Ещё я понимала, что и лютеране, и православные верят в Троицу и искупительную жертву Иисуса Христа, и это самое главное и для тех, и для других. Решение созрело. В семье бывает много разногласий и чтобы было легче противостоять им, нужно вместе молиться Богу, исповедоваться и причащаться. Существуют семьи, в которых муж и жена из разных конфессий, но я чувствовала, что для нас с Димой это будет очень плохо. Так как мы оба были христиане и основные положения нашей веры одинаковые, то я решила перейти в православие.

В одно из воскресений наш священник сказал мне подойти к исповеди и причаститься. После уже я узнала, что в крещение лютеран не ходит миропомазание и, принимая в православную церковь, их миропомазывают. Я попросила об этом священника. Помню, после миропомазанья мне было очень радостно и светло на душе.

Мы с Димой обвенчались!

Портрет жены. Дмитрий Марголин

Однако для меня многое оставалось непонятным. Наш священник (о. Дмитрий из храма Благовещения на Гутуевском острове) направил нас на Свято-Иоанновские богословские педагогические курсы в Александро-Невскую лавру. Здесь у меня появилось много хороших друзей. На занятиях я многое узнала и поняла. Литургия, посты, молитвы постепенно становились для меня понятными и естественными. Моя духовная жизнь стала выравниваться.

*Галина Марголина,
3 курс*

Летом 2010 года я узнала, что история храма Алексия Человека Божьего, который находится в посёлке Бугаевка Перевальского района Луганской области на Украине, имеет к нашей семье прямое отношение.

Своё детство я проводила у бабушки с дедушкой в Бугаевке. Я люблю это место. С одной стороны, это деревня с её частными домами, огородами, садами, где все друг друга знают и никто тебя не обидит. С другой стороны, посёлок всё же городского типа, то есть некоторые достижения цивилизации присутствуют и облегчают непростой деревенский труд и быт.

На берегу речки Белой стояло полуразрушенное здание с куполообразной крышей и окнами необычной формы без стёкол, сплошь заросшее плотной стеной бурьяна. Жители деревни говорили, что когда-то это была церковь. Нам, детям, страсть как было любопытно, но взрослые не разрешали туда ходить. К тому же мы боялись, что в таком заброшенном и заросшем высокой травой месте могут быть змеи. На вопросы об этой церкви нам тоже никто толком не отвечал, так как в те времена этими разговорами можно было навлечь на семью неприятности.

Шло время. СССР превратился в СНГ. Мы выросли, устраивали свою жизнь, набивали «шишки», а о разрушенном храме на берегу речки и не вспоминали вовсе.

Меня жизнь забросила с «рідной ненькі України» на Кольский полуостров, а затем в Ленинградскую область. На Родину ездить стала один раз в году, в отпуск. Бросались в глаза изменения, происходящие с родными краями. Люди, которых знала с детства, умирали, дома в посёлке ветшали. А развалины на берегу высохшей реки было не узнать. Красавица-церковь притягивала взор, но войти туда всё было не досуг.

Снова шли годы. Любимый с детства дом осиротел после смерти дедушки и бабушки. Летом во время отпуска мы старались встретиться и наполнить его жизнью, вспоминая любимых ныне покойных родных и близких и какие-то события из про-

Веровский Никифор Николаевич

Вымолить и детей, и храм ... и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои (Исх 20:6).

шло. Однажды разговор коснулся храма. Каково же было моё удивление, когда мне задали вопрос: «А ты знаешь, что камень для этого храма возил твой прадед?»

Храм Святого Алексия был заложен в 1904 году, а в 1911 году в нём проходила первая служба. Оказывается, мой прадед Веровский Никифор Николаевич (1890–1982), будучи подростком, возил на подводе «дикарь» (дикий камень) из близлежащих сёл. Раньше дикого камня в округе было видимо-невидимо, и местное население строило из него практически всё, что только можно построить: дома, заборы, сараи, дороги и даже церковь. Тут вспомнилось мне, как дедушка Никифор рассказывал моему папе, что с каждого двора по улице собирали куриные яйца и потом замешивали на них раствор для укладки «дикаря». Такой раствор скреплял на века. А церкви из «дикаря» по своему внешнему виду немного напоминают древнегреческие пантеоны в миниатюре.

Позже семья моего прадеда пожертвовала много церковной литературы для храма и имя его было записано в вечное поминание храма, но он никогда не говорил со мной об этом. Я даже не подозревала, что они с прабабушкой Веровской Анной

Веровская Раиса Павловна

Свиридовой (1892–1978) были верующими людьми. Я замечала, как прабабушка с прабабушкой что-то шептали перед иконой, как скромно они питались, как крестили еду прежде, чем съесть её, но не придавала этому значения. Считала, что все старенькие бабушки и дедушки так делают. А раз в году пол в доме они застилали травами, и воздух насыщался травяным духом, а во всём доме ощущалась атмосфера праздника. Это был Троицын День. Но разве задавалась я тогда вопросом, почему они это делали?

Закрыв храм в 1921 году, его практически разрушили. Вот эти-то развалины манили и пугали нас в детстве. А в начале девяностых его стали восстанавливать. Отец Александр, художник по образованию, на голом энтузиазме не только восстановил храм, но и решил построить и открыть детский дом. Разрешение на стройку он получил только благодаря жене бывшего президента Украины Людмилы Кучмы. Кто только не участвовал в строительстве и не помогал отцу Александру. Радиаторы с Луганска, кирпич со скидками продали россияне с кирпичного завода в Зимогорье, возили машины из Стаханова, жители Алчевска, Луганска, Красного Луча помогали деньгами. К тому времени процветающая некогда Бугаевка превратилась в место, где старики старались своими огородами выжить сами и помочь выжить детям и внукам. И, однако же, эти старики, оставив работу в своих огородах, шли помогать в уборке и восстановлении храма. А моя бабулечка, Веровская Раиса Павловна (1928–2007) как и многие её соседи, несла свои вдовьи гривны и копеечки, чтобы церкви в Бугаевке быть. Так всем миром и было завершено строительство детского дома.

Я уже уехала в то время из Украины, но помню письма бабушки, в которых она с радостью писала о том, как продвигается дело. К сожалению, сходить на службу вместе с бабушкой мне всегда мешали какие-то срочные и неотложные дела. Так вместе с ней в восстановленном храме мы и не помолились... Равно как и с папой...

Зато в очередном отпуске на службе в Бугаевском храме Святого Алексия со мной была моя крестница Анечка. Возможно, она успеет задать все главные вопросы в жизни, пока ещё есть кому их задать.

Наталья Казарова, 3 курс

Как мне Тебя, о Господи, благодарить?

О Господи, Спаситель мой,
В каком долгу я пред Тобой.
Как мне Тебя благодарить?
За то, что смог Ты сотворить!
За солнце, небо и луну.
Сердец любимых теплоту,
Цветов душистых аромат,
Что в небо с радостью глядят.
За птиц, что в воздухе парят
И Господа всегда благодарят.
За то, что никогда не подведёшь,
Не бросишь, не уйдёшь —
Всегда на помощь Ты придёшь.
И вижу я Тебя везде:
И в свете, и во мгле,
И в звёздах и в заре,
В моём Ты сердце и в душе.
Слова мне трудно подобрать,
Чтоб всю ту радость передать,
Но сможешь Ты и так понять,
Какая в сердце благодать.

Чудеса Господни

Всё ждём каких-то мы чудес:
Быть может, Ангел спустится
С небес?
Но чудеса кругом и всюду.
Всмотрись скорей в траву и лес:
Услышишь прищ весёлый блавест.
Цветов прекрасных аромат,
Что бабочек и пчёл так манят.
И всё живёт, и радуется, и поёт.

Но вот зима холодная придёт,
И кажется, что всё уснёт.
Но вдруг закружится, завьёт —
Резных снежинок белый хоровод.
Такие кружева нам с неба принесёт —
Их Ангелов семья плетёт.
Вот это чудеса!
Ведь это Божьи всё дела.

И вот прошла холодная зима.
Настало чудо из чудес:
Христос Воскрес! Христос Воскрес!
И вновь слышен прищ весёлый блавест.
И радость до самих небес.
И уж проснулась вся земля,
И снова забышала, ожила,
И первые цветы в подарок принесла
Для вновь Воскресшего Христа!

Серафиму Саровскому посвящается

Вот уж блавест вещает
И на службу приглашает
В храме отче Серафима.
Прихожан уж полон храм,
Ведь сегодня праздник там.

Наступил уж август, первое число,
На душе так радостно, светло,
А народу в храме столько,
Что молиться тяжело.
Всюду свечи зажгают
И лампы здесь горят,
И молитву все творят.

На колени тихо припадаю,
Слёз сдеожать мне нелегко.
Дивный образ твой я созерцаю,
Вижу в нём смиренность и тепло.

Столько кротости и всепрощенья
Нету в лике ни одном,
Разве только в Господе моём.
Глаз приветливых искринку
Я с надеждою ловлю.
Жду от них я утешенья
И за всё благодарю.

Я тебя, о дивный Серафиме,
Чутко внемлющий мольбам,
Никогда не забываю.
И за помощь скорую такую
Низко припадаю я к твоим ногам.
Жду, что дашь ты наставленья
В этой жизни непростой
И поможешь мне смириться
С горькой долею такой.
Ты уста свои откроешь
И меня благословишь.
И в душе моей печальной
Яркий лучик оживишь.

Алевтина Лемец,
3 курс

Духовному отцу

Разве ж это горе —
Хоть кресты кругом:
Постою в соборе,
Помолюсь с отцом.

Головокруженье —
В темноте бегом,
Или — возвращенье
В обрётённый дом.

Тишины несказанной слово,
Тяжкий колокол в темноте,
Из нея — сиянье собора...
Вся в Фаворском своём венце.

Ты моя надежда и слава,
(Раздвигается сердце — вишь!)
Александр-Невская лавра,
В центре города монастырь.

Анна Плещенкова,
2 курс

Я очерчивал волну
Поплавок карандаша.
Сквозь глубокую вину
К Богу Вышнему спеша.

Через страсти и грехи
К понимаю любви.
Через прозу и стихи.
К вере... Через боль в крови!

Через лица и цветы.
Через: «Я у вас в долгу...»
Я бежал от суеты.
В Церковь... Через «не могу»!

Через узкие врата,
Возносясь над суетой,
Я спешу обнять Христа.
Сердцем... Через крест святой!

Грешно ли Родину любить?
Ты скажешь: «Не грешно!»
Грешно ль за Родину убит?
Тебе опять смешно?

Что ж, если мыслить не мастак,
И не тверда рука,
Живи себе, пожалуй, так.
Нет спроса с дурака.

А мне необходимо знать,
Создатель, просвети,
Что лучше — душу потерять
И Родину спасти?

Иль жить, на всё закрыв глаза,
Душой стремясь в зенит.
Безмолвно голосуя «за»
Всё, от чего тошнит?!

Как странно всё переменялось
За те мгновения, когда
В твоей груди, как птица билась
Твоя последняя беда.

Но, выпорхнув, душа взлетела
Над трассой между тополей,
И в студень превратилось тело
В консервной банке «жигулей».

Улыбка, ум, костюм, зарплата,
Сверкающий автомобиль,
Всё, чем гордился ты когда-то,
Враз стало хлам, и грязь, и пыль.

А ты, твоя душа живая,
В полоске неба голубой,
Стояла, недоумевая,
Над всем, что ты считал собой.

Ты жив, не кончена дорога.
Как странно это понимать.
Недаром, иногда про Бога,
Тебе рассказывала мать.

Неся вперёд автомобили,
Ползла дорога как змея.
Открылась тайна новой были:
«Не я, весь этот мир не я»...

И вот неведомые силы
Тебя объяли и несут.
Куда? И вспомнил, мать просила:
«Не забывай про страшный суд».

Озарение

1

Трудным было это озаренье.
Я писал свой стих бензопилою.
И теперь в моем стихотворенье
Батюшка подходит к аналою.

И теперь в мое стихотворенье
Люд приходит с горем и слезами
Или в добродушном настроенье —
Помолиться перед образами.

Вот и состоялось освященье.
Вот и зазвучала литургия.
Лучшее мое стихотворенье,
Перед ним бледнеют все другие.

2

Куполок подняли на Николу,
Освятили на Анастасию...
Господи, помилуй эту школу,
Вместе с ней помилуй и Россию!

Александр Маслов, 2 курс

ГВОЗДЯНАЯ ДОРОГА

Как-то раз я читала Коле с Ваней отрывок из воспоминаний православного москвича о своем детстве. На всю жизнь остался в его памяти яркий, имеющий глубокий смысл рассказ няни Пелагеи о том, как в жизни найти правильную дорогу, ведущую в рай: «Перед тобой будут две дороги. Одна дорога — красивый мягкий ковер, на ковре много цветочков и конфет. Другая дорога вся утыкана острыми ржавых гвоздей. Тебя подведут к красивой дороге и скажут: «Иди, это дорога хорошая. Собирай и нюхай цветочки, ешь конфеты». Ты их не слушай. Иди по гвоздяной дороге. Будет страшно — не бойся, молись Богу. Эта дорога ведёт в рай. А мягкая, конфетная дорога идет прямо в ад».

Закончив чтение, я спрашиваю мальчиков:

— Ну а вы, какую бы себе выбрали дорогу: конфетную или гвоздяную?

— Конфетную, — легкомысленно отвечает маленький Ваня, видимо, не вникнув глубоко в суть дела.

Но тут у меня появляется неожиданная поддержка со стороны Коли:

— Нет, Ваня, если есть много конфет, то потом доктор будет зубы сверлить, — он недавно испытал на себе неприятные последствия сладкой жизни. — Бабушка, а почему с

БАБУШКА, А ПОЧЕМУ? или разговоры с внуками

Благодать. Рисунок Коли.

этим дорогами всё наоборот: красивая дорога ведёт в ад, а гвоздяная — в рай?

— Это значит, что кто-то хочет нас запутать, чтобы мы не нашли правильную

дорогу. И этот кто-то — дьявол со своими помощниками-бесами. На дороге, которая ведёт в ад, они постелили ковры, насыпали конфет, цветов...

— А на дороге в рай натыкали ржавых гвоздей! — подхватывает Коля.

— Да, поэтому правильная дорога всегда трудная. Трудно маму слушаться? А надо. Не хочется утром постель заправлять? А ты пересиль себя. Хочется конфету взять, когда мама не разрешает? А ты скажи себе: «Не буду!» Это и есть трудная гвоздяная дорога. Вот она-то и ведёт в рай, где все всегда радуются. Так и в Евангелии написано: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и не многие находят их».

Я встаю, чтобы поставить книгу на место. За моей спиной слышатся голоса:

— А ты, Ванька, хотел по конфетной...

— Нет! Я по гвоздяной...

Эхом откликаются в моей душе горькие евангельские слова: «тесны врата и узок путь... и не многие находят их...»

*Лариса Калюжная,
выпускница 1996 г.*

Оскудение веры

Причина духовного оскудения веры и любви в Отечестве нашем недалеко от причины грехопадения наших прародителей в раю. Грех — болезнь человеческого рода, повредил все три основные силы души: ум, чувство и волю. Наше сердце, затянутае тинной греха, поражённое тщеславием и неспособное любить, стало падкое на чувственные и земные привязанности.

Но больше всего повреждена и скована грехом наша воля как способность действовать и осуществлять свои намерения. Человек становится рабом греха, хотя самому грешнику служение греху кажется свободой, а борьба с путями греха — рабством. Господь предлагает идти путём, который сам называет узким и тесным. Узкий путь, тесные врата ведут в царство Божие и немногие находят их. В чём теснота пути? Именно к склонности человека ко греху. Чтобы побороть греховные привязанности, нужно приложить очень много усилий. А чтобы жить жизнью грешной, усилий практически не нужно. При этом существует быстрый эффект от такой жизни: острота ощущений, эмоциональные переживания, яркие как фантики. Это очень привлекательно для человека и гораздо проще, чем долго и трудно работать над собой. Узкий путь — это напряжение, это постоянный непрерывный труд, как труд земледельца, когда надо постоянно пахать, сеять, доить, а порой что-то не складывается, что-то не получается. Гораздо проще от всего отказаться и пойти по лёгкому пути. Но если не выдержать этого напряжения, то человек перестанет быть не просто христианином, а вообще перестанет быть человеком, всё приходит к разрушению. Чтобы двигаться и созидать, необходимо трудиться. И трудиться много.

Вот, например, любовь. Господь создал нас для любви, но любовь требует усилий, она сама по себе есть отдача. Любовь это не когда что-то существует для меня. Это не то, чем я пользуюсь. Это когда я для кого-то существую. Например, мои родители. Я существую для них, а они в своём сознании существуют для меня. Тогда и рождается любовь. Но логика потребления нашего общества

диктует обратное. Люблю то, что нравится, разонравится — выброшу.

Ещё причину духовного оскудения, веры, нравственности, любви и благочестия можно поискать в торжестве цивилизации. Очень уж тёплой, удобной, простой, уважаемой, сытой сделалась наша жизнь, нацеленная только на потребление, на впечатление. Вроде ничего плохого не совершаю, никаких страшных грехов за собой не вижу. Но жизнь свою провожу в удобстве, комфорте и, самое главное, в отсутствии смысла и цели. Подменяется цель, смыслом становится построение удобной спокойной сытой жизни. А религиозное мировоззрение зовёт к подвигу, к самоограничению, к воздержанию.

Удовольствие не запрещено, но получение удовольствия не должно становиться целью. Целью должно быть то, ради чего человек живёт. А жизнь ради потребления приводит к разочарованию. Человеку надо обязательно что-то более серьёзное и глубокое, а понимание цели и движение к ней требует усилий, так уж мы устроены. Поэтому «сытое брюхо» глухо к любым проявлениям духовности. Притупляется желание саморазвития, поиска.

Причина оскудения веры может быть и в сильном развитии нашего рационализма. Вера ограничивает права рационалистически мыслящего разума. Простым рациональным объяснением невозможно измерить любовь, верность, долг. И нашествие советского атеизма на рационалистически мыслящий разум произвело эффект разорвавшейся бомбы. На любой довод у такого мышления, всегда найдется контрдовод. И не каждый способен таким контрдоводам противостоять.

Человек должен стремиться к Богу. Искать Бога, найти Его и жить с Богом. Это главная цель, от которой выстраиваются все остальные. Жить там, где поставил Господь, исходя из заложенных в человеке смыслов и целей. Это сложно для современного человека, который на других принципах воспитан и рождён. Гораздо проще думать о том, как получить удовольствие. Такая жизнь — катастрофа для человека и для человечества.

Мингалимова Ирина, 3 курс